

Н. И. Шимова

ХТОНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ ГОРНОГО АЛТАЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ¹

В исследовании впервые освещены особенности бытования хтонических образов (змеи и лягушки), а также их трансформации в старообрядческой традиции по материалам русских Горного Алтая, рассматриваются некоторые особенности отношения к животным (змее и лягушке). Автор использовал историко-этнографические методы: научного описания, сравнительно-исторический, интеграции этнографических, фольклорных и письменных источников. Работа основана на комплексном анализе не введенных ранее в научный оборот фольклорных материалов и полевых материалов автора, собранных на территории Республики Алтай, а также письменных источников.

Рассмотрен обнаруженный автором старообрядческий нарратив, основанный на содержании одной из повестей христианского сборника «Великое Зерцало». Проведены аналогии с другими устными историями и рассказами, запретами, в которых змеи и лягушки представляются возникающими в посмертном существовании у грешных душ на тех местах тела, на которых при жизни находились различные украшения. Со змеинными образами ассоциировались отрицательные человеческие качества. Это проявляется в различных фольклорных жанрах (поговорках, частушках, прислушках). При этом лягушка, скорее, ассоциируется с некрасивостью или неповоротливостью. Изучаемые образы проявляются в народных методах профилактики встречи со змеей и лечения змеиного укуса с помощью заговоров, в способах лечения ангины и боли в пояснице. Наблюдения за природными особенностями змеи служили основанием для использования ее образа в загадках, при изготовлении поделок.

В целом характер изучаемых образов может быть различным: в духе христианских традиций (олицетворение греха, посмертного наказания), также апотропейным (использование в заговорных формулах и для лечения) и идеологически нейтральным в качестве созданий природы (например, в фольклоре, народно-прикладном творчестве). При очевидном преобладании христианского содержания образов, вариации их бытования в разных локальных группах, также в разные временные периоды различны. Особенности семьи и отдельных личностей также имеют значение. В одной культурной традиции, даже у близких родственников, в настоящее время может фиксироваться как спокойное отношение к хтоническим животным как природным проявлениям, так и основанные на христианской традиции ассоциации их с грехом и посмертными наказаниями. Следы более жесткого отношения к хтоническим образам зафиксированы в прекратившей бытование традиции турочакских старообрядцев (проживавших в Турочакском районе). В современной традиции уймонских старообрядцев хтонические образы отличаются большей мягкостью.

Ключевые слова: русские, Горный Алтай, старообрядцы, образы змеи и лягушки, традиционная культура, фольклор.

В ходе полевых исследований зафиксирован старообрядческий нарратив, основанный на одной из повестей христианского сборника, в котором центральное внимание уделено образам хтонических существ, наказывающих грешницу в загробном мире. Это натолкнуло на мысль о необходимости отдельно рассмотреть бытование хтонических образов (змеи и лягушки) на региональных материалах. В бытовании подобных образов проявляется взаимосвязь книжной и народной культуры, фольклорные интерпретации образов в различных жанрах, формируются определенные правила и запреты.

Символика и значение хтонических образов, одних из важнейших в мировоззренческом отношении, раскрыты в работах ряда исследователей восточнославянской и русской культуры, при этом особое внимание уделено реконструкции архаических элементов (Пропп, 1996; Гура, 1997; Велецкая, 1988 и др.). О. В. Голубкова, обращаясь к этнографическим материалам русских и коми, выявляет ступени развития змееобразных персонажей (Голубкова, 2010). При этом трансформации этих образов в контексте бытующей в условиях современности традиции

¹ «Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.»

на сибирских материалах еще не было уделено внимания. Также освещение локальных особенностей хтонических образов в культуре русских Горного Алтая представляется актуальным как еще не изученный аспект.

Целью работы является выявление локальных особенностей бытования и трансформации хтонических образов, а также отношения к животным (змее и лягушке) на основании комплекса региональных материалов. Мы опирались на историко-этнографические методы: научного описания, сравнительно-исторический, интеграции этнографических, фольклорных и письменных источников. Привлечены полевые материалы автора, полученные в ходе экспедиций в Усть-Коксинский, Шебалинский, Турочакский районы Республики Алтай в 1998, 1999, 2015, 2020, 2022 гг. Используются не введенные в научный оборот фольклорные материалы из архива преподавательницы Горно-Алтайского государственного пединститута Инессы Петровны Федотовой. Записи фольклорных текстов выполнены И. П. Федотовой и студентами под ее руководством в 1960–1990-е гг. на территории Республики Алтай и некоторых районов Алтайского края.

Общеизвестно, что хтонические образы, особенно змеиные, сложны и амбивалентны. Народное восприятие в духе христианской традиции восходит к представлению искушителя в образе змея. Отношение старообрядцев к змее как олицетворению зла и греховности, в частности, прослеживается в отдельной выписке, служившей закладкой в богослужебной литературе: *«Страшишь греха, он постепенно тебя ужалит, как змея»* (ПМА, 2020, с. Кебезень, Турочакский район РА). Данная фраза цитирует строки духовного стиха «Обращение к душе» («Пора тебе уж пробудиться»). Текст стиха также зафиксирован в с. Кебезень. Данное произведение и сейчас востребовано в старообрядческой среде, в том числе и на Алтае (Старообрядческие духовные стихи: сборник).

В 2020 г. удалось встретиться с одними из последних представителей старообрядчества Турочакского района Республики Алтай, проживавших в с. Кебезень. Мы познакомились с тонкой тетрадью Августы Лазаревны Милентьевой. Здесь представлены важные для женщины-старообрядки выписки, такие как духовные стихи «Стих странницы ко ангелу хранителю», «Пора тебе уж пробудиться», а также фрагмент под названием «Из книги Зерцало Великое. Часть 2» ([Тетрадь...], 1970-е гг.).

«Великое Зерцало» переведено во второй половине XVII в. с польского языка. Повести из него стали входить в популярные сборники, а через них и в устную словесность (духовные стихи, сказки, легенды) (Орлов, 1934: 115). На примере духовного стиха «О грешной матери» А. С. Орлов проводит сравнение исходного текста «О неком священноиноке, иже о матери своей моляся, и какова ему показася за преизлишне телесное украшение» и основанного на нем духовного стиха, и усматривает представления, сложившиеся под влиянием других духовных стихов и проявление воззрений старообрядцев на новое платье, наряды и роскошь, в частности, упоминание сережек, цепочки, зеркала (Орлов, 1934: 119).

Зафиксированный текст является сокращенным, упрощенным пересказом повести «О неком священноиноке, иже о матери своей моляся, и какова ему показася за преизлишне телесное украшение». Как отмечает Е. С. Данилко, такие старообрядческие нарративы, как пересказы популярных сюжетов из Священного Писания, в большинстве случаев имеют письменные аналоги, но при этом интерпретация известных текстов построена по законам развития традиционного или мифологизированного сознания (Данилко, 2007: 58).

В рассматриваемом произведении описано видение иноком своей грешной матери, которая предстает в виде сидящей на огромном змее грешницы, она терпит мучения в наказание за содеянные при жизни грехи. Данный сюжет встречается в различных вариациях как и визуализации образа грешницы, в том числе в старообрядческой книжности (Антонов, Майзульс, 2013: 207). Как отмечают Д. И. Антонов и М. Р. Майзульс, муки грешниц сложены из элементов, давно известных в средневековой иконографии, мотивы с изображением

блудниц и детоубийц, которых за груди кусали змеи или скорпионы, встречаются в западной романской иконографии XII в. (Антонов, Майзульс, 2013: 209). Мы ориентируемся на оригинальный текст произведения, приведенный в работе А. С. Орлова (Орлов, 1934: 115–117). Ниже представлен старообрядческий пересказ.

«Некто священноиннок молился о матери своей отпущения грехов. И внезапно увидел мать свою нагу сидящу, на змии страшным, из уст же его выходит пламя огненная. У матери его руки и ноги связаны железными путы. По лицу и по зубам ея бьют камнем. На главе ея сидит змия Скорпия лютая. Во ушах ея две мыши лютыя сосут мозг. В глазах ея около рта обвился уж великой. На руках змей огненный. Сие же видя сын ее и убояся и жасесе. И пал на землю с того страха. И возопи к нему мать его, не ужасайся сыне мой любезный, не бойся этого змея. Не может он тебе зла сотворити ничтожа. И начал вопрошать свою мать. Скажи мне мати моя, за какия дела тебе так сотворилось. Тогда отвещала ему мать его.

Ты видишь мене нагу, сию я на сем змие странем, того ради я любила лютое любодееяние не воздержанное творила; а по лицу моему и зубам бьют меня камням; за то что я говорила отцу моему дабы мне он купил хорошия и многоценныя ризы; имя бы я оделась и многих на злое похотения привела. А другие жены к этому похотению поучала; а видишь на главе моей сидит змея Скорпия лютая. Того ради любила я украшения главы моея. А в ушах моих две мыши сосут мозг главы моея: того ради что я любила посмотреть всякое неподобное ко злему хотению. А на шее моей обвился уж великий, того ради что я любила носить на шее моей цепи и монеты золотыя и серебряныя; а что сосет за сосца мой того ради что давала без стыда имать блудниками за груди мой; а еже на руках моих змей огненной. Того ради что я любила много носить на своих руках золотыя и серебряныя персни: и дотыкания рук блудником. И рече сын ея к своей матери. Как же тебе сие сотворилось, и как же ты, исповедала грехи своя отцу Духовному и церковные тайны восприяла. Отвеща ему мати его; о чада мое. Я исповедала грехи своя. И святых тайных причастилася; но не истинно я причастилася Святых тайн. И епитимию я не исправила за ето проклята; и осуждена вовеки мучитися; Да и ныне уже чада мое, не молися о мене ни твоя бо молитва и ничейная не может мене облегчити мука сея; и сказала о себе велие яко блесковица; и от глаз его скоро отиде от него. Аминь» ([Тетрадь...], 1970-е гг.: л. 4–6).

В данной повести и в ее пересказе хтонические образы являются выражением адских мук преисподней. Старообрядческий нарратив при этом отличают некоторые детали. В оригинале присутствуют такие образы: «вселютый и всезлюбный» змей; ящерицы, «изсыхающие» мозг; в очах сидящие скорпии; в ушах две мыши лютые; змий великий «обвиса о шее ее и соса сосца ея». В пересказе упоминается «змий страшный», на котором восседает грешница, две лютые мыши. Образу «Змия великого», наказывающего за позволение обнимать шею и прикасаться к груди, соответствует «уж великий» пересказа, он наказание «за любовь носить цепи и золотые и серебрянные монеты, также имать блудникам за груди». Вместо ящерицы, иссушающей мозг за грех «главы прелестнаго украшательства, нарядов, пьянства» в пересказе на голове женщины «сидит змея Скорпия лютая», в наказание за грех «любила украшения главы моея». В тексте повести «в очах сидящи скорпии» наказывают за «блудолубное прозрение», в пересказе их образ заменен на «ужа великого», который «в глазах около рта обвился». Огненные персты на руках грешницы, присутствующие в наказании за «многоценные персни», заменены в пересказе «змеем огненным» на руках, наказывающим за грех ношения золотых и серебряных перстней.

Образы ящериц и скорпионов заменены в нарративе на змеиные, огненные перстни — на огненного змея на руках. То есть в старообрядческом пересказе хтонические существа, мучающие грешницу, представлены в основном змеями. Также акцентируется внимание на цепях золотых, серебрянных монетах и перстнях. Очевидна связь змеиных образов с плотскими грехами (женской сексуальностью), различными видами украшений (кольца,

браслеты). Ранее установлено распространение у уймонских старообрядцев представлений, связанных с запретами на различные украшения (Шитова, 2011: 113). Очевидно, мы встретили нарратив, восходящий к одному из христианских текстов, посвященных подобным запретам.

Потомки кебезенских старообрядцев помнили о запретах носить украшения, рассказывали, что на месте бус на том свете будет змея, на ушах – лягушка (ПМА, 2020, с. Кебезень, Турочакский район РА). Также и у уймонцев считалось, что те места, на которых женщина любила носить украшения, в посмертном существовании будут «украшены» змеями и лягушками. Например, Полина Ивановна Черепанова (1929 г. р.) вспоминала, как купила серьги и хотела проколоть уши, за что мама ее ругала: *«Зачем, чтоб на том свете лягуши вешались на ушах!»* (ПМА, 1999, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). Данные запреты являлись частью аскетического образа жизни старообрядцев и связанных с ним представлений (Шитова, 2011: 114). Одна из наших собеседниц-старообрядок (1951 г.р.) вспоминала: *«Мама говорила, сейчас носите серьги да бусы, потом змей да гнусов... Будешь плясать сейчас на полу – потом на гвоздях»* (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА). Интересно, что в других семьях в этих же населенных пунктах, иногда родственных, о таких представлениях ничего не слышали: *«Про лягушек вместо сережек не слышала. Старенька бабушка была, у ней дутые золотые сережки»*; *«Мама всегда бусы носила, черненьки бусы любила. Серьги никогда не запрещали»*. При этом наши собеседницы уточняют: *«В покаянии, скитском покаянии, есть про украшения»* (ПМА, 2022, с. Тихонькая, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА).

Причину подобных представлений наши информанты не могли объяснить, за редким исключением. Так, Анна Максимовна Болтовская (1938 г. р.) объясняла: *«Вот серьги носят. Я читала книгу, вот и там написано. Идет Господь по ряду, а женщина сидит вся в украшении: змеи все, лягушки все, голова. А Он и говорит: «О...какое украшение», – говорит. «Да, любила украшения»»*. В понимании нашей собеседницы, Господь Спаситель спустился в ад и ходил там «по рядам», среди мертвых. И он увидел грешную душу, «украшенную» хтоническими созданиями: серьги превратились в лягушек, золотые цепочки – в змей (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА).

На вопрос, почему именно змеи появляются на месте украшений, наша собеседница отвечала: *«А змеи любят золото»*. По мнению женщины, *«золото притягивает всю черноту»*. Анна Максимовна вспоминала: *«Я вот знаю, что золото носить это грех, это грех великий. Бабушка моя говорила... Я вот, например, кольца не ношу. Я носила, доча мне привезла кольцо, а у меня стал палец чернеть... Я говорю: «Палец чернеет. Значит, нельзя носить»* (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА). При этом простые, недорогие украшения наша собеседница не осуждала, в отличие от изготовленных из золота, серебра, платины. Как объясняет Анна Максимовна, запреты носить украшения нужны для облегчения участи в посмертном существовании: *«Это для души. Не будешь носить, душа не будет отвечать за это. Ты наденешь на себя украшение, и на душу твою наденут украшения, и они превратятся в другое»* (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА).

При некотором сходстве, а именно сюжете о наличии на теле грешницы в посмертном существовании хтонических существ на местах, где ранее при земной жизни находились украшения, отличие объяснения А. М. Болтовской из с. Мульта от нарратива из тетради А. Л. Милентьевой из с. Кебезень очевидно. В рассказе из Уймонской долины наказывается именно украшательство, в новелле из Великого Зеркала также и греховные блудливые связи, акцентируется внимание на исключительной важности искренности покаяния. В первой истории письменный христианский источник опосредован и забыт, во второй – назван конкретно.

Основанное на христианских письменных источниках отношение к хтоническим персонажам входило в мировоззрение, через него в повседневную культуру и быт. Как свидетельствуют полевые материалы, такие запрещаемые (греховные) явления у старообрядцев, как чай, самовар, ранее ассоциировались со змеей (Шитова, 2013: 289).

Змеиные образы олицетворяли и некоторые отрицательные человеческие качества, отношение к этим качествам. Последнее отчетливо проявляется в различных фольклорных жанрах. Например, в поговорках: «Змея кусает не для сытости, а ради лихости» (Материалы из архива И. П. Федотовой: Т. П. Головина, собиратель И. П. Федотова); «Пригрела змейку на свою шейку» (Материалы из архива И. П. Федотовой: собиратель Л. Ф. Швецова, с. Белое, Алтайский район, Алтайский край, 1970 г.). Ассоциации с хтоническими персонажами встречаются в текстах присушек: «Чтобы казалась ему (такая-то) змеей лютый, ненавистной. Ненавистной, как змея, холодной, как льдина. Чтобы видел ее – ненавидел ее»; «Чтобы была она змеей лютый, ненавистной, Холодной, как льдина. Чтобы видел ее – ненавидел ее» (Материалы из архива И. П. Федотовой: собиратель И. П. Федотова, 1970-е гг.).

В песенном фольклоре, частушках хтонические образы также могут иметь негативный оттенок. При этом происходит ассоциация отрицательного качества, поступка, например измены, неверности, с изучаемым образом:

*«Милый мой, я за тобой,
А ты все за злодейкою!
Как задумал изменить,
Извивался змейкою».*

(Материалы из архива И. П. Федотовой: Л. А. Рюмина, собиратель О. В. Евдокимова, 1999 г.);

Негатив может быть также заменен на скорее юмористические ассоциации с хтоническими образами:

*«Ты соперница моя –
Коротенькие ножки.
Голова как у змеи,
Голос, как у кошки».*

(Материалы из архива И. П. Федотовой: З. К. Бунькова, 1921 г.р., собиратель Л. Ф. Швецова, с. Ая, Алтайский район Алтайского края, 1970 г.)

Сказок с хтоническими персонажами в региональном материале не встретилось, хотя они и общеизвестны, например, о царевне лягушке. В с. Мульты старообрядцы рассказали анекдот об Иване-царевиче, который приехал во Францию и узнал, что лягушек едят, а не женятся на них (ПМА, 2022, с. Мульты, Усть-Коксинский район РА). Повсеместно было распространено представление о нежелательности брать лягушек в руки, в целом некомфортное эстетическое восприятие этих созданий: «Лягушки не берите, бородавки – это конечно было. Но они противные, особенно белобрюхие» (ПМА, 2022, с. Тихонья, Усть-Коксинский район РА). Лягушка скорее ассоциируется с некрасивостью или неповоротливостью:

*«У мово ли у милого,
У мово ли горюна,
Голова как у лягушки,
Ноги как у чугуна».*

(Материалы из архива И. П. Федотовой: М. Е. Бунькова, 1919 г.р., собиратель Н. А. Кудастбергенов, г. Горно-Алтайск, 1999 г.)

*«А ты, Таня, попляши,
Да хорошо ты пляшешь.
Как лягуша из болота,
Едва ноги тащишь».*

(Материалы из архива И. П. Федотовой: П. А. Булыгина, собиратель Т. С. Родионова, с. Турочак, Турочакский район РА, 1999 г.)

Основанное на христианских текстах восприятие хтонических образов, безусловно, продолжает бытование у носителей традиции. Например, при чтении молитвы «Живый в помощи» (псалом 90) в строках 12, 13: *«На руках возмут тя, да не когда преткнешии о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия»* (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА). Заметим, что были распространены и заговоры, основанные на данном тексте, включающие данные строки без изменения (Материалы из архива И. П. Федотовой: Т. П. Подболотова, 1921 г. р., собиратель И. П. Федотова, с. Ынырга, Чойский район РА). В душеполезном чтении, например в рукописных Четьях в житии Св. Симеона Столпника, можно прочесть историю о чудесном исцелении женщины, в организм которой с водой попала маленькая змейка и внутри начала расти: *«Изыйде из нея змия велика, и ползуши к столп, абие разсядися»* (т. е. приползши к столпу, змея распалась на части) (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА).

Сформировавшийся под влиянием христианства образ змея современные уймонские старообрядцы могут ассоциировать с современной техникой, такой как запущенные людьми в Космос спутники: *«Спутники сейчас запускают – это змей»* (ПМА, 2015 г., с. Усть-Кокса, Усть-Коксинский район РА). То есть изучаемые образы современные старообрядцы могут не отождествлять с природным проявлением хтонических созданий.

В природе в основном люди сталкивались с ужами и гадюками: *«Раньше на скалах пни, где лес сваленный свернутся. На покосе бесконечно было»*. Вспоминают и про другие виды змей, которые встречались еще в детстве: *«Жуланка – змея»*; *«Огневки в детстве называли змей. Недлинные, толстенькие, оранжевые. Сворачивались и как катятся. Пару раз видела, они кусались»* (ПМА, 2022, с. Тихонья, Усть-Коксинский район РА).

Особое место в народных представлениях занимали народные способы, направленные на профилактику встречи со змеей, что было вызвано практической необходимостью. Крепкие в вере старожилы-старообрядцы могли использовать чтение молитвы, чтобы на пути не встретить змею, опасного для человека зверя: *«Если идти в лес – Непобедима молитва, чтоб никакой зверь не напал, никто не привязался, от всякой нечисти. Непобедима божественная сила животворящего креста господня не оставь меня грешную рабицу такую-то»* (ПМА, 2022, с. Тихонья, Усть-Коксинский район РА). Также считалось, что запах конского пота отпугивает змей, от них оберегались, окружив себя конскими путами: *«Ложатся спать в лесу, веревку, что пахнет конским потом, вокруг себя, и ложились в серединку»* (ПМА, 2022, с. Тихонья, Усть-Коксинский район РА).

Из заговоров, направленных на профилактику встречи со змеей, наиболее распространены формулы, направленные на разграничение пространства пребывания змеи и человека. Так, например, пастух Михаил Бочкарев (1964 г. р.) использовал такой заговор: *«Змея-змея, тебе пень да колода, мене конь да дорога»* (ПМА, 1998 г., с. Мульта, Усть-Коксинский район РА). При применении подобного заговора необходимо было повторить его трижды, при этом поворачиваясь вокруг три раза плюнуть в стороны: *«Змея, змея, змеища, серые глазищи, тебе – пень да колода, мне – путь да дорога»* (Материалы из архива И. П. Федотовой: Бунькова М. Ф., 1893 г.р., собиратель Л. Ф. Швецова, с. Ая, Алтайский район Алтайского края, 1970 г.). Реже использовали следующий заговор, который также

необходимо было повторить трижды: *«Идет раба божия (называется имя) в поле (в лес, в горы и т.д.), а змея из поля (из леса, с гор и т.д.)»* (Материалы из архива И. П. Федотовой: М. Т. Рогова, 1914 г.р., собиратель Л. Ф. Швецова, с. Белое, Алтайский район Алтайского края, 1970 г.).

Некоторые представители среднего поколения еще могут вспомнить, как старшие советовали при укусе змеи скорее бежать к воде, реке (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). Возможно, связь змеиных образов с водной стихией также прослеживается в заговоре от укуса ужа, который необходимо было при применении повторить 12 раз без передышки (ударение в слове «река» падает на первый слог): *«Твоя река далеко, моя река близко»* (Материалы из архива И. П. Федотовой: М. Т. Рогова, 1914 г. р., собиратель Л. Ф. Швецова, с. Белое, Алтайский район Алтайского края, 1970 г.).

Если змея уже укусила, были такие заговоры, которые мог использовать каждый. Например, пастух Михаил Бочкарев (1964 г. р.) поделился таким заговором: *«Змея-змея, вынь свое жало яровое, яловое, если не вынешь, я тебя буду жсахать [т. е. драть, поясняет информант – Н. Ш.] прутьями ивовыми, калеными. Во веки веков, аминь»*. Приговаривать следовало, водя безымянным пальцем вокруг ранки (ПМА, 1998 г., с. Мультя, Усть-Коксинский район РА).

В некоторых бытовавших в районе исследования еще в третьей четверти XX в. заговорах от укуса змеи, опираясь на работу Т. А. Агапкиной (Агапкина, 2013), можно распознать элементы старинных народных представлений о змеях. Например, о существовании различных видов змей в зависимости от цвета, выражающихся в прилагательных (черных, пестрых, желтых, огневок) (Материалы из архива И. П. Федотовой: М. Казанцева, собиратель С. М. Петенева, с. Верх-Уймон, Усть-Коксинский район РА) или именах собственных (Чернуха, Белуха, Буренак, Пестрена) или от мест обитания (огородных, подколодных, полевых, дворовых) (Материалы из архива И. П. Федотовой: К. И. Санарова, с. Тюдрала, Усть-Канский район РА, 1971 г.). Можно найти следы представлений об особой домашней змее: *«Домаха – змея, живущая под полом»*. Также о подчинении змей главной змее, «матушке змее Матрене» (Материалы из архива И. П. Федотовой: К. И. Санарова, с. Тюдрала, Усть-Канский район РА, 1971 г.) или «царице Елице»: *«На острове Буяне, на Тихом океане стоит столб. В столбу – царица Елица. Уйми свое стадо, чтоб не кусалось, не щипалось, Чернуха, Белуха, Крысена, Буренак, Пестрена, под закутьем Домаха»* (Материалы из архива И. П. Федотовой: М. Т. Рогова, 1914 г. р., собиратель Л. Ф. Швецова, с. Белое, Алтайский район Алтайского края, 1970 г.).

Если заговором, направленным на профилактику встречи со змеей, мог воспользоваться каждый по желанию, то змеиные укусы часто лечили «знаткие». Местные жители помнят, кто ранее мог помочь в случае укуса: *«Тетя Рая Никонова была, она от укусов змеиных лечила»* (ПМА, с. Тихонькая, 2022, Усть-Коксинский район РА). Сохранились единичные свидетельства о том, что, используя хтонических животных, или обращаясь к их образам, могли как «испортить», так и вылечить. В частности, упоминаемая выше Раиса Степановна Никонова (1934 г. р.), рассказывала фольклористу Е. В. Болтовской о том, что лягушку применяли для наведения порчи и также для ее излечения: *«Осердятся, девку изурочат, а живот растет. В бане роды вызывали, рожали лягушку»* (ПМА, 2022, г. Горно-Алтайск).

Среди православного населения (РПЦ) в Шебалинском районе Республики Алтай зафиксирован ряд записей, посвященных народным методам лечения, составленных занимавшейся народной медициной жительницей с. Ильинка З. И. Колпаковой, 1940 г. р. (ПМА, 2015, с. Ильинка, Шебалинский район РА). Среди этих материалов есть и один из народных способов лечения ангины, который применялся с использованием лягушки: *«Близко ко рту больного подносят лягушку и заставляют больного дышать прямо на нее. От этого сердце лягушки начинает учащенно биться, а больному через 7–10 минут становится лучше, даже*

если до этого он не только не мог кушать и пить, но и говорить, после этого лягушка делает 3 прыжка и умирает. Больной выздоравливает полностью» ([Фрагмент тетради...]: л. 2.). Заметим, что, судя по публикациям в сети Интернет, данный способ остается востребованным (см. например: Лечение ангины лягушкой).

Противоположное христианскому негативному восприятию содержание образа змеи прослеживается в следующем в заговоре из записей З. И. Колпаковой. Он обозначен как «Наговаривать на булавку». Из других публикаций данного текста следует, что он применялся для лечения «утиной», т. е. боли в пояснице (Зверев, Шишкова, 2009: 217). На булавку наговаривали: «Змея свернись вокруг раба (...), обернись. Ляг на пояс, стань подмогой, отвяжись дорогой, уподи, уползи, боль, хворобы унеси. Аминь.» ([Отдельные заговоры]: л. 26.) В данном случае змея ассоциируется с булавкой и поясом. Булавка традиционно используется как средство от сглаза, порчи. Например, старообрядки втыкали их в деталь сарафана – подбойку. Оберегом, сравнимым по силе и значению с нательным крестом, является пояс. Интересно, что ассоциации образа змеи с поясом прослеживаются также в загадке: «Под кустом, под ярусом лежит пояс гарусный» (Материалы из архива И. П. Федотовой).

Как рассказывали в с. Тихонькая, с. Мульта, на памяти наших информантов нет случаев, когда змея укусила человека: «Змея никого не кусала в Тихонькой, коров, овечек кусают» (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). Объясняют это тем, что в последние десятилетия змей в окружающей среде поубавилось: «Змей меньше стало – раньше поедешь за брусникой, на покосе валки начинаешь переворачивать, и они везде» (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). В настоящее время на вопрос о том, что делать, чтобы не укусила змея, чаще всего отвечают, что змей отпугивает шум, издаваемый людьми: «Обычно они, идешь, уползают... Змея услышала шорох, она ушла». Также посоветуют быть внимательными и использовать резиновые сапоги (ПМА, 2022, с. Тихонькая, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА).

При этом рассказывают, что в некоторых семьях змей было принято убивать: «Дядя Гоша Черепанов – они убивали их» (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). Мама говорила одной из наших собеседниц: «Змею убьешь – 40 грехов смоешь». Женщина вспоминает, что когда были детьми и жили на Маральнике, змей убивали: «Палочкой придавишь бошку, в коробочку сложишь, смотришь, как хвостик шевелится». После этого обязательно надо было умыться: «Маме скажешь: “Змею убил” – иди умойся, всегда умывались, руки мыли, лицо мыли» (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА). Мультинский старообрядец Т. Ф. Бочкарев так вспоминал про встречу со змеей: «В караулке лежала кольцом змея, я траву пошевелил, она растянула целый шаг. Поползла от караулки, отогнал на 5 шагов, голову ей растоптал. После убийства вымыл в озере руки» (Шитова, 2013: 176).

Заметим, что многие местные жители стараются бережно относиться к природе, лишний раз не убивать даже змей. Например, оказавшуюся на огороде змею могут вынести за пределы участка, находя объяснение ее появления на территории людей в объективных обстоятельствах, например, аномально сухой погоде (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА).

Ранее, как вспоминают, ящерок тоже было очень много. В отличие от змей, к ящерицам относились по-другому: «Ящерики хорошие, их не надо убивать» (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). Нейтральное отношение к хтоническим образам как созданиям природы прослеживается в загадках: «И стучиха, и бренчиха, и четыре шумитихи, и хохол, и махор, и змея с хохлом (телега, колеса, лошадь)» (Материалы из архива И. П. Федотовой: П. Д. Киселева, 1926 г. р., собиратель Н. А. Поташова, с. Усть-Кан, Усть-Канский район РА, 1997 г.). Изучаемые образы без идеологической окраски проявляются и в прикладном народном творчестве. Например, старообрядка Капитолина Ивановна Молоткова (1938 г. р.)

изготовила серию поделок из природного материала для украшения своего участка, в том числе из найденного на берегу Катунь обточенного водой корешка смастерила змею (ПМА, 2015, с. Октябрьское, Усть-Коксинский район РА).

В результате проделанной работы можно сделать вывод о динамике и неоднородности, которые прослеживаются в бытовании хтонических образов на региональных материалах. Характер изучаемых образов может быть различным: в духе христианских традиций (лицетворение греха, посмертного наказания), также апотропейным (использование в заговорных формулах и для лечения) и идеологически нейтральным в качестве созданий природы (например, в фольклоре, народно-прикладном творчестве).

Имея в основе одну культуру, старообрядческие группы в условиях XX в. развивались в Горном Алтае неравномерно, выживая с различной степенью сохранности устной и письменной традиции. Это не могло не повлиять на бытование основных образов в рамках традиционной культуры, одними из которых являются хтонические. При очевидном преобладании христианского содержания образов вариации их бытования в разных локальных группах в разные временные периоды различны. Особенности семьи и отдельных личностей также имеют значение. В одной культурной традиции, даже у близких родственников, в настоящее время может фиксироваться как спокойное отношение к хтоническим животным как природным проявлениям, так и основанные на христианской традиции ассоциации их с грехом и посмертными наказаниями.

Следы более жесткого восприятия хтонических образов зафиксированы в прекратившей бытование традиции турочакских старообрядцев (проживавших в Турочакском районе). Старообрядческая традиция в уймонской группе, в условиях непрерывности при существенном сужении сферы бытования, равняется на основополагающие для верующих устои, основную богослужebную литературу. В современной традиции уймонских старообрядцев, бытование которой трансформировалось, но не прерывалось, хтонические образы отличаются большей мягкостью, при этом с очевидным стремлением соответствовать ортодоксальной христианской традиции.

Литература:

Агапкина Т. А. Восточнославянские заговоры от укуса змеи: темы и сюжеты, локальные особенности и славянские параллели // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации. М.: «Древле-хранилище», 2013. С. 434–466.

Антонов Д., Майзульс М. Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. М.: Форум; Неолит, 2013. 240 с.

Велецкая Н. Н. О генезисе древнерусских «змеевиков» // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 206–211.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Изд-во «Индрик», 1997. 912 с.

Голубкова О. В. Образ змеи в демонологических представлениях русских и коми (по полевым материалам 2000-х годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 383–387.

Данилко Е. С. Священная история и раскол в старообрядческих нарративах (по материалам полевых исследований среди старообрядцев Урало-Поволжья) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2005. М.: Наука, 2007. С. 58–74.

Зверев В. А., Шишкова Е. К. «Будьте, мои слова, крепки и лепки»: 120 заговоров из Верхнего Причулымья // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве / отв. ред. Н. Н. Родигина. Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 212–222.

Лечение ангины лягушкой. URL: <https://healthinfo.ua/articles/otkr/12671> (дата обращения 06.08.22).

Материалы из архива И. П. Федотовой. 1960–1990-е гг. Хранятся в архиве автора.

Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII – XVII веков. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1934. 170 с.

[Отдельные заговоры] Составитель З. И. Колпакова. Рукопись. С. Ильинка, б. г.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1996. 366 с.

Старообрядческие духовные стихи: сб. URL: <https://altaistarover.ru/articles> (дата обращения 06.08.22).

[**Тетрадь** А. Л. Милентьевой]. Рукопись. С. Кебезень, 1970-е гг. 6 л.

[**Фрагмент** тетради с рецептами]. Составитель З. И. Колпакова. Рукопись. С. Ильинка, б. г. 10 л.

Шитова Н. И. Рукописи старообрядца Т. Ф. Бочкарева в контексте истории и культуры старообрядцев Уймона (XVIII – XXI вв.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. 360 с.

Шитова Н. И. Яркость и аскетизм в одежде уймонских кержачек (XX – начало XXI вв.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011 № 2(46). С. 113–118.

Шитова Наталья Ивановна.

Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, 634090.

E-mail: natalja.sni2011@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 4 сентября 2022 г.

N. I. Shietova

CHTHONIC IMAGES IN TRADITIONAL CULTURE OF THE RUSSIANS OF GORNY ALTAI: TRANSFORMATION AND LOCAL FEATURES

This study explores the use and transformation of chthonic images, specifically snakes and frogs, in the Old Believer tradition of the Russians in Gorny Altai. The research combines folklore materials, field observations, and written sources, which had not previously been represented in the academic sphere, and utilizes historical and ethnographic methods. Snake images are often associated with negative human qualities in various folklore genres, while frog images are associated with ugliness or slowness. These images appear in folk practices for avoiding snakes, treating snake bites and illnesses such as tonsillitis and back pain, and in riddles and handicrafts. The Christian content of these images is prevalent, but the perception of them varies among different local groups and individuals. It can range from seeing them as personifications of sin and posthumous punishment to viewing them as neutral creatures of nature. In the modern tradition of the Uimon Old Believers, the perception of chthonic images is milder than in the now extinct tradition of the Turochak Old Believers. This study represents the first time that the features of using chthonic images and their transformation in the Old Believer tradition have been analyzed and documented in such detail.

Keywords: *Russians, Gorny Altai, Old Believers, images of a serpent and a frog, traditional culture, folklore.*

References:

Agapkina T. A. Vostochnoslavjanskije zagovory ot ukusa zmei: temy i syuzhety, lokal'nye osobennosti i slavyanskije paralleli [East Slavic spells from a snake bite: themes and storyline, local features and Slavic parallels] // Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskij narodov. Istorija slavistiki. XV Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov (Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.). Doklady rossijskoj delegacii. M.: «Drevlekhramilishche», 2013. S. 434–466 (In Russian).

Antonov D., Majzul's M. Anatomija ada: Putevoditel' po drevnerusskoj vizual'noj demonologii [Anatomy of Hell. Guide for Visual Demonology in Medieval Russia] M.: Forum; Neolit, 2013. 240 s. (In Russian).

Veleckaja N. N. O genezise drevnerusskich «zmeeviki» [On Ancient old Russian Zmeyevik amulets genesis] // Drevnosti slavyan i Rusi. M.: Nauka, 1988. S. 206–211 (In Russian).

Gura A. V. Simvolika zhivotnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. M.: Izd-vo «Indrik», 1997. 912 s. (In Russian).

Golubkova O. V. Obraz zmei v demonologicheskij predstavlenijah russkich i komi (po polevym materialam 2000-h godov) [The image of a serpent in the demonological picture of Russians and Komi (based on field materials of the 2000s)] // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. – Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2010. V. 16. S. 383–387. (In Russian).

Danilko E. S. Svyashchennaya istoriya i raskol v staroobryadcheskikh narrativah (po materialam polevyh issledovaniy sredi staroobryadcev Uralo-Povolzh'ya) [The Sacred History and the Schism in the Old Believer Narratives (based on field research among the Old Believers of the Ural-Volga Region)] // Polevye issledovaniya Instituta etnologii i antropologii. 2005. M.: Nauka, 2007. S. 58–74. (In Russian).

Zverev V. A., Shishkova E. K. «Bud'te, moi slova, krepki i lepki»: 120 zagovorov iz Verhnego Prichulya [May my words be strong and sculpting: 120 spells from the Upper Chulyum region] // Sibiryaki: regional'noe soobshchestvo v istoricheskom i obrazovatel'nom prostranstve / otv. red. N. N. Rodigina. Novosibirsk: NGPU, 2009. S. 212–222. (In Russian).

Lechenie anginy lyagushkoj [Treatment of angina with a frog]. URL: <https://healthinfo.ua/articles/otkr/12671> (data obrashcheniya 06.08.22) (In Russian).

Materialy iz arhiva I. P. Fedotovoj. 1970–1990e gg. Hranyatsya v archive avtora (In Russian).

Orlov A. S. Perevodnye povesti feodal'noj Rusi i Moskovskogo gosudarstva XII – XVII vekov. [Translated stories of the Feudal Russia and the Muscovite state of the XII–XVII centuries]. – Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1934. 170 s. (In Russian).

[Otdel'nye zagovory] Sostavitel' Z. I. Kolpakova. Rukopis'. – S. Il'inka, b. g. (In Russian).

Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Historical Roots of the Wondertale]. SPb.: Izd-vo SPb. gos. un-ta, 1996. 366 s. (In Russian).

Staroobryadcheskie duhovnye stihy: sbornik [Old Believer spiritual poems: a collection]. URL: <https://altaistarover.ru/articles> (data obrashcheniya 06.08.22) (In Russian).

[Tetrad' A. L. Milent'evoj]. Rukopis'. S. Kebezen', 1970-e gg. 6 l (In Russian).

[Fragment tetradi s receptami]. Sostavitel' Z. I. Kolpakova. Rukopis'. S. Il'inka, b. g. 10 l (In Russian).

Shietova N. I. Rukopisi staroobryadca T.F. Bochkareva v kontekste istorii i kul'tury staroobryadcev Ujmona (XVIII – XXI vv.) [The manuscripts of an old believer T. F. Bochkaryov in the context of history and culture of the Old Believers from Uymon (XVIII – XXI 21 cc.)]. Gorno-Altajsk: RIO GAGU, 2013. 360 s. (In Russian).

Shietova N. I. Yarkost' i asketizm v odezhde ujmonskih kerzhachek (HKH – nachalo XXI vv.) [Brightness and ascetism in the clothing of the Uimon kerzhak women (20th and early 21st century)] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2011. № 2(46). S. 113–118. (In Russian).

Shietova Natalya Ivanovna.

Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher.

Institute of Archaeology and Ethnography of the RAS.

Academician Lavrentiev Av., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: natalja.sni2011@yandex.ru